

КНИГА I

1

Плиний Септицию¹ привет.

(1) Ты часто уговаривал меня собрать письма, написанные несколько тщательнее, и опубликовать их. Я собрал, не соблюдая хронологического порядка (я ведь не писал историю), а как они попадались под руку². (2) Только бы ты не раскаялся в своем совете, а я в своей уступчивости. Теперь я поищу те, что забросил, и ее буду прятать, если еще что напишу. Будь здоров.

2

Плиний Арриану¹ привет.

(1) Я предвижу, что ты удержишься со своим приездом, и потому предлагаю тебе книгу, которую обещал в прежних письмах. Прочти ее, пожалуйста, и, по своему обычаю, внеси поправки², — потому особенно, что я, кажется, до сих пор ничего не писал с таким ζήλω*. (2) Я пытался подражать, по крайней мере в оборотах речи, Демосфену, твоему любимцу всегда, и Кальву³, моему с недавних пор; силы таких ораторов могут достичь «немногие, кого справедливый»...⁴ (3) Материал вполне подходил для такого соревнования (боюсь за дерзкое слово): почти вся речь исполнена пафоса⁵: она пробудила меня от длительной спячки, если только я способен пробуждаться. (4) Не пренебрег я и ληξύθοις** нашего Марка⁶: я неизменно чуть-чуть сворачивал с дороги, ко-

* Усердием.

** Лекифами.

гда уместно было украсить ими речь: я ведь хотел, чтобы речь потрясла людей, а не навела на них тоску.

(5) Не думай, что этой оговоркой я прошу снисхождения. Чтобы еще усилить твою правку, я тебе признаюсь: и меня самого, и моих сотоварищей не отпугивает мысль о ее издании⁷, если только ты благосклонно отнесешься к этой, может быть, нелегкой затее. (6) Надо, конечно, что-нибудь издать — лучше бы уже готовое — (молитва лентяя), — надо издать по множеству причин, а главное, потому, что люди не выпускают из рук книжек, мной изданных, хотя они и утратили прелесть новизны. Книгопродавцы, может быть, только говорят мне приятные слова. Пусть, впрочем, говорят, если эта ложь заставляет меня работать. Будь здоров.

3

Плиний Канинию Руфу¹, привет.

(1) Ну как Комо, наша с тобой радость? и прелестная пригородная вилла? портик, в котором всегда весна? аллея платанов с ее густой зеленью? канал с водой, отсвечивающей зеленью? Пруд внизу? он к нашим услугам? А та дорожка с землей плотной, но мягкой для ноги? а баня, круглый день залитая солнцем? столовые для большого общества и те, что лишь для некоторых? комнаты, где ты проводишь день, и спальни?² (2) Они завладели тобой и передают, чередуясь, одна другой? Или тебя, внимательного хозяина, отвлекают обычные твои частые разъезды по имению? Если завладели тобой — счастливый ты человек, а если нет, ты «один из многих»³.

(3) Почему ты (уже пора) не поручишь эти низменные мелкие заботы другим⁴ и в этом глубоком полном уединении целиком не отдашься занятиям? им твой труд, им досуг; им работа и отдых, бдение и сон. (4) Создай, выкуй, что останется твоим навеки! Остальные твои владения после тебя не раз переменят хозяина; это, став твоим, никогда быть твоим не перестанет.

6

Я знаю, к какой душе, к какому дарованию обращаюсь я со своими увещеваниями; ты только постарайся понять сам, чего ты стоишь; если ты это поймешь, поймут и другие. Будь здоров.

4

Плиний Помпее Целерине¹, своей теще, привет.

(1) Всего у тебя полно в имении под Окрикулом, да и под Нарнией, и под Карсулами, и под Перузией!² В имении под Нарнией даже баня³. Из писем моих (твоих уже не нужно) хватит одного старого и короткого. (2) Клянусь Геркулесом, я больше дома у тебя, чем у себя. Есть, однако, разница: твои домочадцы принимают меня с большей заботой и вниманием, чем мои. (3) Может быть, так же будет и с тобой, если ты когда завернешь к нам. Я очень этого хотел бы; увидишь, у меня ни в чем тебе не будет отказа, как и мне у тебя не было, а затем пусть мои домочадцы, которые ожидают меня в пренебрежительном спокойствии, несколько встрепенутся. (4) У добрых хозяев рабы отвыкают бояться. Новые лица заставляют их очнуться, и они стараются получить одобрение хозяев за службу не им, а другим. Будь здорова.

5

Плиний Воконию Роману¹ привет.

(1) Видел ты такого перепуганного и присмирившего человека, как М. Регул после смерти Домициана? Преступлений при нем совершал он не меньше, чем при Нероне, но не так открыто². Ему стало страшно моего гнева — и не зря: я разгневан. (2) Он взлелеял гибель Рустика Арулена и так радовался его смерти, что прочитал и опубликовал сочинение, в котором нападал на Рустика; назвал его «обезьяной стоиком» и еще добавил «заклейменный Вителлиевым шрамом»³ — ты узнаёшь красноречие Регула. (3) Геренния Сенециона он поносил так неистово, что Меттий Кар сказал ему: «Какое

7

тебе дело до моих мертвецов? Разве я беспокою Красса или Камерина?»⁴ (4) (Регул донес на них при Нероне). Он считал, что все это мне тягостно, и поэтому даже не пригласил на свое чтение. (5) А кроме того, он вспомнил, как приставал ко мне у центумвиров⁵ с расчетом меня погубить. Я помогал по просьбе Арулена Рустика, Аррионилле, жене Тимона⁶; Регул выступал против. Я в этом деле частично опирался на мнение Меттия Модеста⁷, человека прекрасного. Он тогда находился в ссылке; был выслан Домицианом. И вот тебе Регул: «Скажи, Секунд, — обращается он ко мне, — что ты думаешь о Модесте?» Ответь я «хорошо» — гибель; ответь «плохо» — позор. Могу сказать одно: боги мне помогли. «Я отвечу, если об этом будут судить центумвиры». Он опять: «Я спрашиваю, что ты думаешь о Модесте?» — (6) «Свидетелей, — ответил я, — обычно спрашивают о подсудимых⁸, а не об осужденных». Он в третий раз: «Я спрашиваю, что ты думаешь не о Модесте, а о его лояльности?» (7) «Ты спрашиваешь, что я думаю? Я считаю, что не дозволено даже обращаться с вопросом о том, о ком уже принято решение». Он замолчал; меня хвалили и поздравляли: я не повредил своему доброму имени ответом, хотя бы мне и полезным, но бесчестным, и не угодил в синок, расставленный таким коварным вопросом.

(8) Теперь, сознавая свою вину, он в перепуге хватает Цецилия Целера, сразу за ним Фабия Юста⁹ и просит их помирить меня с ним. Мало того, приходит к Спуринне¹⁰ и униженнейшим образом (как всегда, когда он боится) молит его: «Молю тебя, пойдя утром к Плинию, только совсем утром (я не в силах больше терпеть это беспокойство); каким угодно способом добейся, чтобы он на меня не сердился». (9) Я уже не спал; от Спуринны посол: «Я иду к тебе». — «Ни в коем случае: я к тебе». Мы направились друг к другу и сошлись в портике Ливии¹¹, Спуринна излагает поручение Регула, добавив свою просьбу — скупое, как и полагается просить достойному человеку за негодя. (10) «Смотри сам, что, по твоему, ответить Регулу. Мне не пристало обманывать

тебя: я жду Маврика¹² (он еще не вернулся из ссылки) и не могу тебе ответить ни „да“ ни „нет“; я буду поступать, как он решит: он тут глава, мне подобает идти за ним следом».

(11) Несколько дней спустя Регул встретился со мной в тот день, когда мы поздравляли претора¹³; занятый старым, он отводит меня в сторону и говорит: он боится, что у меня глубоко в душе засели слова, сказанные им однажды на суде центумвиров, когда он отвечал мне и Сатрию Руфу¹⁴: «Сатрий Руф, который не состязается с Цицероном и доволен современным красноречием».

(12) Я ответил, что сейчас, после его признания, я понимаю его колкость, но ведь слова эти можно истолковать и в почетном смысле. «Да, — говорю я, — я состязуюсь с Цицероном, я недоволен современным красноречием и считаю крайней глупостью выбирать для подражания не самое лучшее. А раз ты помнишь этот случай в суде, почему же ты забыл о другом, когда ты меня допрашивал, что я думаю о лояльности Меттия Модеста?» Он заметно побледнел — хотя и вообще бледен — и, запинаясь, пробормотал: «Я спрашивал во вред не тебе, а Модесту». Какая жестокость в человеке! Он не скрывает своего желания навредить сосланному. (14) И вот замечательная для того причина: «Он ведь написал в одном письме, читанном у Домициана: „Царек, негоднейший из всех двуногих“», — сущую правду написал Модест¹⁵.

(15) На этом кончилась наша беседа; я не захотел ее продолжать, чтобы ничем не связать себя до приезда Маврика. Я прекрасно понимаю, что Регул *δυσχεδαιρέτων**: он богат, влиятелен, многие за ним ухаживают, еще больше тех, кто его боится: страх обычно сильнее любви. Может, однако, случиться, что все это пошатнется и рухнет: преданность негодяев так же ненадежна, как они сами. (16) Повторяю опять, я жду Маврика. Он человек основательный, разумный, многими испытаниями многому наученный, способный по прошлому

* Которого трудно уловить.

предвидеть будущее. По его указанию я или что-то попытаюсь сделать, или буду сидеть смирно. (17) Я написал тебе об этом потому, что по нашей взаимной любви надлежит тебе знать не только о том, что я делаю и говорю, но и о том, что собираюсь сделать. Будь здоров.

6

Плиний Корнелию Тациту привет.

(1) Ты будешь смеяться — смейся, пожалуйста. Я — вот этот я, которого ты знаешь, взял трех кабанов — и превосходных. «Сам?» — спрашиваешь ты. Сам, пребывая, однако, в своей обычной спокойной неподвижности. Я сидел у тенет¹, рядом были не рогатины и копыя, а стиль и дощечки²; я что-то обдумывал и делал заметки, чтобы вернуться домой если и с пустыми руками, то с полными табличками. (2) Не пренебрегай таким способом работы: ходьба, движение удивительно возбуждают душу; а леса вокруг, уединение, само молчание, требуемое охотой, побуждают к размышлению.

(3) Потому, когда пойдешь на охоту, вот тебе мой совет: бери с собой не только корзиночку с едой и бутылку, но и дощечки: узнаешь, что Минерва бродит по горам не меньше, чем Диана. Будь здоров.

7

Плиний Октавию Руфу¹ привет.

(1) Смотри, на какую высоту ты меня поставил, уделив мне такую же царственную власть, какую Гомер Юпитеру сильнейшему величайшему:

τῷ δ' ἔτερον μὲν ἔδωκε λατῆρ, δ' ἔτερον ἀνένευσεν*.

И я ведь могу на твое желание ответить подобным же кивком и в знак несогласия отрицательно покачать головой. (2) И если я еще могу, особенно по твоей прось-

* «Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул» (Илиада, XVI, 250; перевод Н. И. Гнедича).

бе, оправдаться перед жителями Бетики в том, что я не буду их защитником в тяжбе против некоего человека², то выступить против провинции, любовь которой я приобрел, оказав ей столько услуг, столько для нее, даже с риском для себя, потрудившись³, — это противно моим правилам неизменной верности (а ты это ценишь). (3) Я пойду средним путем: из двух твоих просьб (ты просишь исполнить какую-нибудь одну) я выберу ту, которой удовлетворю не только твое пристрастие, но и твое здравое суждение. Для меня важно не то, чего ты, человек хороший, хочешь в данную минуту, а то, что ты всегда сможешь одобрить.

(4) Я надеюсь около октябрьских ид⁴ быть в Риме и лично подтвердить это Галлу⁵ твоим и моим словом. За меня ты можешь и сейчас ему поручиться:

ἡ καὶ κυανέησιν ἐλ' ὄφρ' οἱ νεύσῃ*.

Почему, в самом деле, мне и не разговаривать с тобой стихами из Гомера, пока ты не позволишь разговаривать твоими. А я горю желанием их иметь. (5) Пожалуй, это единственная взятка, которой можно было меня подкупить и заставить выступить против Бетики.

(6) Почти упустил из виду то, чего никак не следовало упускать: я получил великолепные финики, которым теперь придется поспорить с винными ягодами и грибами. Будь здоров.

8

Плиний Помпею Сатурнину¹ привет.

(1) Очень кстати мне вручили твое письмо, в котором ты требуешь прислать тебе что-нибудь из моих писаний. Я и сам намеревался это сделать. Ты дал шпоры коню, который бежит по собственной охоте, и разом уничтожил необходимость — для себя просить прощения за

* «Рек и во знаменье черными Зевс помавает бровями» (Илиада, I, 528; перевод Н. И. Гнедича).

отказ от работы, а для меня извиняться за требование ее. (2) Не следует мне стесняться и не брать того, что предложено, а тебе тяготиться тем, чего сам домогался. Не ожидай, однако, чего-нибудь нового от человека, любящего безделье. Я собираюсь тебя попросить: удели мне время опять для той речи, которую я держал своим землякам перед открытием библиотеки². (3) Я помню, у тебя уже были какие-то замечания, касающиеся частностей; поэтому сейчас я прошу тебя, займись ею не только в целом, но пройдишь даже по отдельным параграфам и отшлифуй их так, как это у тебя в обычае. И после исправления от меня ведь будет зависеть, издать эту речь или оставить ее лежать. (4) И может быть, итоги исправления покончат с моими колебаниями и приведут меня к определенному решению: или недостойной изданию найдет эту речь неоднократный пересмотр, или он сделает ее достойной, — над чем я и стараюсь.

(5) Колебания мои вызваны не качеством моих писаний, а содержанием их. Тут есть слабый привкус как бы самохвальства и превозношения, и меня при моей скромности это тяготит. Пусть я буду говорить сжато и просто, но все же я вынужден толковать и о щедрости своих родителей³, и о своей собственной, а это тема опасная и скользкая, хотя говорить о близких и соблазнительно. (6) И если хвалу посторонним выслушивают обычно с некоторой досадой, то как трудно сделать, чтобы речь человека, повествующего о себе и о своих, не показалась и вовсе несносной! Мы завидуем нравственному благородству, но гораздо больше тому, что его прославляют и не судим вкривь и вкось только о добрых делах, укрытых молчанием и мраком. (7) Потому я часто думал: ради себя только составил я эту речь (что бы она собой ни представляла) или это мой долг и перед друзьями? «Ради себя»: в этом меня убеждает то обстоятельство, что большинство поступков, необходимых в каком-то деле, по завершении его кажутся бесполезными и не стоящими благодарности.

(8) Не будем искать примеров дальше. Что было бы полезнее сочинения о смысле и значении щедрости? Оно дало бы мне возможность, во-первых, спокойно заняться размышлениями о высоком и достойном, затем, длительно всматриваясь, вникнуть в их красоту и наконец избавиться от раскаяния, сопровождающего внезапную щедрость. Эти мысли упражняли бы в презрении к деньгам. (9) Природа оковала людей стремлением сберегать их; с меня же, много и долго думавшего над тем, что такое щедрость, любовь к ней сняла цепи скупости, весьма весомые. Моя щедрость, казалось бы, заслуживает тем более похвалы, что меня влечет к ней не бессмысленный порыв, а размышление.

(10) Вдобавок к этому я обещал ежегодно выдавать сумму не на театральные представления и не на гладиаторов, а на содержание свободнорожденных детей⁴. Представления, улаждающие глаз и ухо, не нуждаются в рекомендации: тут людей надо не возбуждать словом, а скорее сдерживать; (11) чтобы человек охотно взял на себя докучный труд воспитания, этого следует добиваться не только наградами, но и особо подобранными увещаниями. (12) Врачи предписывают здоровую, но невкусную пищу с ласковыми уговорами; тем более приличествует замыслившему одарить общество даром полезнейшим, но не столь приятным, представить его в речи вежливой и любезной — еще и потому особенно, что я старался получить одобрение дару, предназначенному отцам, и от людей бездетных: пусть чести, оказанной немногим, остальные терпеливо дожидаются, стараясь ее заслужить. (13) Тогда, однако, я больше беспокоился об общем благе, чем о самолюбии отдельных лиц: я хотел, чтобы цель и значение моего дара были поняты; теперь же, издавая свою речь, я боюсь, не показалось бы, что я потрудился не для чужой пользы, а для собственного прославления.

(14) А затем я помню, насколько выше считать наградой за благородный поступок не молву, а сознание

сделанного. Слава должна прийти сама, ее нечего искать, а если случайно она и не придет, то поступок, заслуживший славу, все равно останется прекрасным. (15) Те, кто украшает словами свои благодеяния, совершают их, по видимому, ради того, чтобы разгласить о них. Поступок, в рассказе свидетеля великолепный, в оценке самого совершившего бледнеет. Люди, не будучи в силах разрушить сделанное, придираются к похвальбе им. Если о твоём поступке лучше умолчать, они корят поступок; если ты не молчишь о том, что стоит похвалы, они обвиняют тебя самого.

(16) Есть еще особая причина, меня удерживающая. Я говорил эту речь не перед народом, а перед декурионами и не на площади, а в курии⁵. (17) Боюсь оказаться непоследовательным: при моем выступлении я хотел избежать громкого одобрения и согласия толпы; теперь, издавая свою речь, я ищу его. А я ведь не пустил этот самый народ, о котором заботился, на порог курии, чтобы не показалось, будто я перед ним как-то заискиваю; теперь же явно угодничаю даже перед теми, для кого мой дар имеет значение только примера.

(18) Вот тебе причины моих колебаний; я послушаюсь, впрочем, твоего совета: твой авторитет заменит для меня размышления. Будь здоров.

9

Плиний Миницию Фундану¹ привет.

(1) Удивительно, как в Риме каждый день занят или кажется занятым; если же собрать вместе много таких дней — окажется, ничего ты не делал. (2) Спроси любого: «Что ты сегодня делал?», он ответит: «Присутствовал на празднике совершеннолетия², был на сговоре или на свадьбе³. Один просил меня подписать завещание⁴, другой защищать его в суде, третий прийти на совет»⁵. (3) Все это было нужно в тот день, когда ты этим был занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно

если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: «Сколько дней потратил я на пустяки!»

(4) Так бывает со мной, когда я в своем Лаврентийском поместии что-то читаю, или пишу, или даже уделяю время на уход за телом: оно ведь поддерживает душу. Я и не слушаю и не говорю того, в чем пришлось бы потом каяться; (5) никто у меня никого не злословит; никого я не браню, разве что себя за плохую работу; ни надежда, ни страх меня не тревожат, никакие слухи не беспокоят; (6) я разговариваю только с собой и с книжками. О правильная, чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела! море, берег, настоящий уединенный μουσείον*, сколько вы мне открыли, сколько продиктовали!

(7) Оставь же при первой удобной службе этот грохот, пустую болтовню, нелепейшие занятия; сохрани себя для литературы и предайся досугу! лучше ведь, по остроумному глубокомысленному слову нашего Атилия⁶, «ничем не заниматься, чем заниматься ничем». Будь здоров.

10

Плиний Аттию Клементу¹ привет.

(1) Никогда в нашем городе умственная жизнь так не была ключом, как сейчас: примеров тому много, и они известны, но достаточно одного — я упомяну только философа Эвфрата². (2) Когда я юношей был на военной службе в Сирии³, я хорошо пригляделся к нему у него в доме и постарался, чтобы он полюбил меня. Стараться, впрочем, нужды не было: сам он идет навстречу, он доступен и полон той доброты, которой учит. (3) О, если бы я в той же мере осуществил надежды, которые он тогда возлагал на меня, в какой он возрос в своих добродетелях! Или я сейчас им удивляюсь больше потому, что больше их понимаю. (4) И сейчас, впрочем, пони-

* Храм муз.

маю не вполне: как о художнике, скульпторе, резчике может судить только мастер, так и мудреца может постичь только мудрец.

(5) В Эвфрате, насколько мне дано судить, много черт выдающихся и блестящих; даже на людей малообразованных они производят впечатление. В его рассуждениях есть тонкость, основательность, изящество; часто даже что-то от Платоновой высоты и размаха. Речи его богаты и разнообразны по содержанию, и, главное, они сладостны и заставляют соглашаться даже противников.

(6) А к этому еще высокий рост, красивое лицо, опущенные волосы, большая седая борода. Пусть все это несущественно и неважно, но все-таки это вызывает к нему почтения еще больше. В одежде ничего отпугивающего, ничего мрачного, но она очень строгая; при встрече с ним почувствуешь почтение, но не испугаешься⁴.

(7) Жизнь совершенно святая, доброта совершенная: он преследует пороки, но не людей; заблуждающихся не корит, но исправляет. Следи со всем вниманием за его увещаниями, — и хотя ты уже убежден, но тебе хочется, чтобы тебя еще убеждали. (8) У него трое детей — двое мальчиков, которых он тщательно воспитывает⁵. Его тесть, Помпей Юлиан⁶, человек, проживший большую и славную жизнь; возвеличить и прославить его, впрочем, могло уже то, что он, первый человек в провинции, выбрал среди людей высокого ранга в зятя себе первого не по званиям, а по мудрости.

(9) Но зачем я так много говорю о человеке, обществом которого мне не дано пользоваться? Чтобы еще больше тосковать от того, что не дано? Я завален работой по службе, очень важной и очень тягостной⁷: сижу перед трибуналом, подписываю отчеты, составляю счета, пишу много писем, не думая об их литературной отделке. (10) Иногда (часто ли это удастся) я жалуясь на эти занятия Эвфрату. Он утешает меня и утверждает даже, что философия в лучшем своем отделе учит служить обществу: расследовать, творить суд, выявлять справед-

ливость значит осуществлять на практике то, чему она учит. (11) В одном только он не может убедить меня: будто заниматься всем этим лучше, чем проводить с ним целые дни, слушая и поучаясь.

Поэтому я тебе, человеку свободному, настоятельно советую: как только ты приедешь в Рим (и приезжай ради этого поскорей), вручи ему себя для окончательного усовершенствования. (12) Я не завидую, как большинство, чужому счастью, которого лишен сам, а наоборот: испытываю некоторое удовольствие, что друзьям моим досталось то, в чем мне отказано. Будь здоров.

11

Плиний Фабию Юсту привет.

(1) Давно от тебя ни одного письма. «Не о чем писать», — говоришь ты. Вот это самое и напиши: «Нечего было писать» — или только ту фразу, с которой обычно начинали наши предки: «Если ты здоров, хорошо; я здоров». С меня этого хватит: это ведь самое главное. Думаешь, шучу? Я прошу всерьез: уведоь, как живешь. Не зная этого, я не могу не быть в величайшей тревоге. Будь здоров.

12

Плиний Калестрию Тирону¹ привет.

(1) Тяжкая постигла меня утрата: я лишился такого человека, как Кореллий Руф². Он умер, умер добровольно, и это растревляет мое горе. Особенно ведь скорбишь о смерти, которую не считаешь естественной и предопределенной. (2) Неизменным и великим утешением в смерти людей, скончавшихся от болезни, служит ее неотвратимость; о тех, кто сам призвал смерть, горюешь неисцелимо, ибо веришь, что они могли еще долго жить. (3) Кореллия подвиг на это решение разум³; люди мудрые повинуются разумному, а не неизбежному. А у не-

го было много причин жить: сознание незапятнанного прошлого, незапятнанное имя, большая авторитетность, а затем еще дочь, жена, внук, сестры и среди стольких близких истинные друзья. (4) Его мучила болезнь такая длительная и такая опасная, что смерть и ее доводы одержали победу над жизнью и всем, что было в ней ценного.

На тридцать третьем году, как я слышал от него самого, он заболел подагрой. Эта болезнь у него от отца; болезни, как и прочее, передаются по наследству. (5) Пока он был молод и силен, он побеждал болезнь, одолевая ее жизнью воздержанной и чистой; в последнее время, когда со старостью она усилилась, выносил ее с помощью сил душевных, хотя страдания были невероятные и пытки жесточайшие. (6) Боль уже не сидела только в ногах, а ходила по всем членам. Я посетил его при Домициане, когда он лежал у себя в пригородной вилле. (7) Рабы вышли из спальни; таков уж был у него порядок: когда приходил близкий друг, то все удалялись, даже жена, хотя она умела свято хранить любую тайну. (8) Он огляделся кругом: «Как ты думаешь, почему я так долго терплю такую муку? Да чтобы хоть на один день пережить этого грабителя»⁴. Дай этому духу тело, столь же сильное, и он выполнил бы то, чего хотел⁵.

Бог услышал его молитву. Она исполнилась: он спокойно ожидал смерти, чувствуя себя свободным, и оборвал то многое, что привязывало его, но уже слабо, к жизни. (9) Болезнь росла, он старался смягчить ее воздержанием, но перед ее упорством дрогнула его стойкость. Прошел второй день, третий, четвертый, он ничего не ел. Жена его, Гиспулла⁶, послала ко мне общего нашего друга Геминия со скорбной вестью: Кореллий решил умереть, он не склоняется к мольбам ни ее, ни дочери, и я единственный человек, который может вернуть его к жизни. (10) Я кинулся к нему и был уже совсем близко, когда Юлий Аттик⁷ сообщает мне со слов той же Гиспуллы, что и я ничего не добьюсь: он все прочнее

Содержание

КНИГА I. <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	5
КНИГА II. <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	34
КНИГА III. <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	63
КНИГА IV. <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	93
КНИГА V. <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	123
КНИГА VI. <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	151
КНИГА VII. <i>Перевод А. И. Доватура</i>	184
КНИГА VIII. <i>Перевод А. И. Доватура</i>	215
КНИГА IX. <i>Перевод А. И. Доватура</i>	245
КНИГА X. Переписка Плиния с Траяном <i>Перевод М. Е. Сергеенко</i>	279
О ПЛИНИИ МЛАДШЕМ. <i>М. Е. Сергеенко</i>	334
Примечания. <i>М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур</i>	348
Указатель собственных имен <i>Составитель М. Е. Сергеенко</i>	541